

Народ Божий и град Божий в трактате блаженного Августина

Сразу оговорюсь, что термины «народ Божий» и «град Божий» - тождественны и употребляются мной в качестве синонимов. Различие смысловых оттенков не делает их противоречащими друг другу. У *civitas* присутствует ассоциативная связь с античными гражданскими институтами, (о чем ниже) библейские негативные коннотации в виде *первого города, основанного Каином*, (Быт. 4. 17; De civ. XV.8) Вавилона, Ниневи, Содома, Гоморры. Само явление, называемое «городом», делом рук человеческих, представляется изначально связанным с понятием греховности, порока. Августин намеренно называет сообщество праведников «*Градом Божиим*», противопоставляя *город как обитель порока* Небесному Иерусалиму, заведомо недостижимому на земле. Более того, можно еще вспомнить, что город – воплощение града земного, следующий за Вавилоном и Содомом – это единственный Город с большой буквы, представлявшийся современникам Августина универсальным единством, вмещавшим всех живущих на свете, город-империя, ойкумена, то есть Рим.

Принципиальное отличие понятия «Народ Божий» в отсутствии подобных коннотаций. Августин традиционно использует этот термин (*populus Dei*), говоря практически исключительно о древнееврейском народе. Но помимо этого, этот термин описывает некую общность людей (без акцента на их «гражданские права»), собрание праведных, живущих, живших и тех, кто будет жить в чистоте сердца по заповеди Христовой, и объединенный, конечно же, не по этническому признаку. Кажется, только в одном, но весьма важном для понимания сути трактата, фрагменте - 19.26 (*quamdiu permixtae sunt ambae civitates, utimur et nos pace Babylonis; ex qua ita per fidem populus Dei liberatur, ut apud hanc interim peregrinetur* «до тех пор, пока оба града взаимно перемешаны, пользуемся и мы миром Вавилона, из которого народ Божий освобождается верою так, как если бы находился в нем во временном странствии») – «народ» присутствует в эсхатологической перспективе, именно как «народ Божий», а не народ Авраама и Моисея (хотя собственно, это аллюзия на освобождение евреев из вавилонского плена, но речь идет именно о народе Божиим – *Граде*). Таким образом, «народ» присутствует в повествовании зримо, но не названо. Именно мотив нового Израиля, освобождающегося из вавилонского плена пронизывает весь трактат, несмотря на то, что данному сюжету ВЗ Августин не уделяет столько места, сколько уделяется другим, напр., хронологии, самым первым временам человечества (чему и посвящена кн. XV), истории и преемству Града Божия на протяжении веков до пришествия Христа. «Град» (*civitas Dei*) - это

«новый Израиль», народ Нового Завета, если так можно выразиться.

Представление о «небесном отечестве» существовало еще в Ветхом Завете и развивалось на протяжении всех веков христианства. В богословской концепции блаженного Августина оно было осмыслено как самостоятельное явление, с одной стороны, связанное с культурной традицией полисного государства, с другой – основанное всецело на Священном Писании. Идея духовного, эклезиологического единства была актуальна для современников Августина не менее, чем для учеников Христа и апостолов, поскольку годы, в которые писался трактат «О граде Божиим», были временем глобальных перемен в средиземноморской цивилизации. Западная Римская империя, из которой родом были все современники блаженного Августина, – и христиане, и язычники, практически прекратила свое существование, и единственной прочной опорой оставалась церковь. Причем не только как утешение, но в немалой степени в качестве, если так можно выразиться, достаточно стабильного (с поправкой на ереси) института и даже источника власти. Мудрый и мужественный пастырь - епископ города (я говорю не только об Августине – вспомним Павлина Ноланского), пытаюсь противостоять разрушительным силам – набегам варваров, (кстати, часто - христиан), нападкам еретиков, прочим бедствиям, сопровождающим войны, собирал под свою защиту не только своих верных, но и спасал бедствующих язычников, проповедуя и обращая их ко Христу. Блаженный Августин, епископ Иппона, фактически на глазах которого был захвачен «вечный город» Рим, заговорил о Граде Божиим – вечном городе, небесном отечестве всех призванных к спасению, и его «гражданах».

Уточним термины: будем считать, что граждане – это и есть народ. Это вполне логично и последовательно в ключе августиновских рассуждений. Итак, народ Божий – граждане не по рождению, не по какому-то праву, получаемому за деньги или выслугу, но по милосердию Спасителя и по призванию. Блаженный Августин, видя крушение государства, казавшегося безопасным и мудро устроенным, говорил о созидании истинной республики – «*общего дела*» спасения призванных (см. XIX. 21 про римскую «идеальную республику»). Надежда и вера – вместо статуса гражданина и славы предков – основные привилегии, которыми награждены представители народа Божия, граждане Вышнего Града. Всякий, имеющий и возвращающий в душе эти сокровища, может стать одним из них. Ведь, по Августину, даже языческая добродетель, будучи «школой», обучением, несовершенным прообразом истинной любви, может быть шагом к обращению.

В телесном, преходящем мире, «град святых» скрыт и «здесь рождает своих граждан, в лице которых странствует», не имея отечества на земле, «покуда не

наступит время его царства, когда соберет он всех воскресших...» (De civ. XV.1). Избранный народ невозможно отделить от непризванных к спасению, тем более, что «Град Божий» ведет непрестанную войну с «градом земным», склоняющимся ко злу. Исход этой битвы решен приходом Христа в мир, но спасение каждого человека отвоевывается в этой жизни. *Народ Божий* – не собор *святых*, в нашем, обывательском понимании – далеко не все из *civēs Dei* прославлены в лике святых: о многих праведниках никто и никогда не узнает после их кончины, и это и есть идеал христианской жизни – прожить ее незаметно, не причинив никому зла, не оставив мирской славы. Имена их и принадлежность к Своему народу знает Господь...

Словами ап. Петра «вы - род избранный, царственное священство...некогда не народ, а ныне народ Божий» 1 Пет. 2,10 Августин называет этот странствующий град, *civitas peregrina*. Слишком поверхностно было бы отождествлять «народ» или «град» Божий с Церковью – если только под Церковью понимать все человечество, просвещенное Светом Христовым.

В наши дни мотив «странствия в мире», «странности» миру приобрел особенно пронзительное звучание. Двадцатый век, переполненный военными конфликтами, как нельзя более ясно показал, насколько условно и порочно разделение государственными или «межкультурными» границами целого человечества. (Стоит заметить, что значимые работы, посвященные Августину и его *civitas Dei*, были написаны во время и непосредственно «вокруг» двух мировых войн – 10-е и 50-е гг.)

Представители разных христианских конфессий и традиций, перечитывая «программный» трактат, вдруг обнаруживали в «народе Божиим» что-то до боли знакомое – почти утерянное тайное родство, связь обетованием. Средневековые богословы в таких случаях называли свой народ «новым Израилем», но в то время подобные слова произносить вслух стало невозможно. Неназванный «странствующий на земле град» всегда в проекции вечности остается Иерусалимом верных. (И тоска по небесному отечеству одинаково посещала людей по разные стороны границ «земного града», точнее, земных градов, вовлеченных в бесконечную тяжбу и гонку за властью.) В нем видели церковь, как институт и просто христианскую общину. (Небольшой историографический экскурс).

Августинову «Граду» пытались давать собственную трактовку многие исследователи – богословы, историки поздней античности и средневековья. Практичный ум современного человека пытался увидеть что-то еще, кроме объединения перед эсхатологическим ужасом, в проповеди Града Божия и объединения «малого стада» Божьего народа. В риторике Августина, например, были выделены аналогии,

связывающие римские гражданские добродетели и те сокровища духа, о которых я говорила выше. Одни и те же, в принципе, проявления чести и даже благочестия, направленные к разным целям (достижение Царства небесного или достижение вечной славы среди потомков) могут либо вести к спасению, либо напротив, уводить от него.

Некоторые ученые обращали внимание на то, как Августин представляет идеальное «государство», точнее, город, и взаимоотношения в нем народа и властителя, на основании 1. 21. Была и другая точка зрения, опирающаяся на юридическое мышление и связь слова «*civitas*» с рамками некоей структуры – государства, церкви. Весьма интересно так же и то, что одной из сторон дискуссии о смысле слов «Град Божий» был нынешний понтифик, а тогда еще просто Йозеф Ратцингер, отстаивавший за «*civitas Dei*» понимание церкви как самостоятельного «государства», (*civitas* в пределах Церкви) в отличие от «гражданства Божия» др. автора - теолога Вильгельма Камлаха. То есть, согласно одной точке зрения – *civitas Dei* в значении *ecclesia* предполагает исключительно Церковь Христову, то есть всех праведных, согласно другой – этот термин относится непосредственно к существующей Церкви.

Что же касается терминологической стройности, (это к тому, что *народ* не называется народом, но *градом*) можно привести следующий пример. В начале XX в. иеромонах Амвросий (Полянский, сщмч.) защитил диссертацию о Граде-Царстве Господа Иисуса и Его народе (*Амвросий (Полянский А.А.) Учение о Царстве Божиим по сочинению блаженного Августина «О Граде Божиим»*. Сергиев Посад 1903, Тверь, 2003). В книге об учении Августина о Граде Божиим сщмч. Амвросий Полянский, например, совершенно игнорирует термин «*civitas*». Он пишет о «царстве» - как уж повелось в русской традиции, но весьма созвучно августинову трактату говорит о том, как же можно понять град Божий, рассеянный по всей земле. То, что сщмч. Амвросий обозначил как «царскую власть», выше мы назвали спасением, верой и надеждой.

Какими бы разными не были точки зрения на термины, на их значение и происхождение, град Божий *скрыто странствует по этой земле*, как и писал блаженный Августин.

14.05. 2011.

- Cognar J.Y. *Civitas Dei et ecclesia chez saint Augustin*. // ReAug 1957; III, 1;
- Cranz F. *de civitate Dei XV, 2 et l’idée augustinienne de la societe chretienne*.// ReAug 1957; III, 2;
- Hand V. *Augustin und das klassisch römische Selbstverständnis*. Hamburg 1970;

- Kamlah W. Christentum und Geschichtlichkeit: Untersuchungen zur Entstehung des Christentums und zu Augustins «Burgerschaft Gottes». Muenchen, 1951;
- Maier F.G. Augustin und das antike Rom. Tuebingen, 1955;
- Marrou H-I. S. Augustine et le fin de la culture antique. Paris, 1938;
- Ratzinger J. Volk und Haus Gottes in Augustins Lehre von der Kirche. München, 1954;
- Straub J. Augustins Sorge um die regeneratio imperii: das Imperium Romanum als «civitas terrena». //Historisches Jahrbuch 73 (1954);
- Амвросий (Полянский А.А.), иером. (сшмч.) Учение о Царстве Божиим по сочинению блаженного Августина «О Граде Божиим». Сергиев Посад, 1903; Тверь, 2003